

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Поветкина Полина Борисовна

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСОНИФИКАЦИЯ «НОЧНОГО КОШМАРА»:
СТРУКТУРА ФОЛЬКЛОРНОГО ОБРАЗА И АРЕАЛЫ ЕГО БЫТОВАНИЯ**

Специальность 5.9.4 – Фольклористика.

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2023

Работа выполнена на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

- Научный руководитель** – **Алпатов Сергей Викторович**
доктор филологических наук
- Официальные оппоненты** – **Мороз Андрей Борисович**
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»»
профессор школы филологических наук
факультета гуманитарных наук
заведующий научно-учебной лабораторией теоретической и полевой фольклористики факультета гуманитарных наук
- Белова Ольга Владиславовна**
доктор филологических наук
ФГБУН «Институт славяноведения РАН»
главный научный сотрудник отдела этнолингвистики и фольклора
- Сорокина Светлана Павловна**
доктор филологических наук
ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН»
старший научный сотрудник отдела фольклора

Защита диссертации состоится «09» февраля 2023 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета МГУ.059.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, МГУ имени М.В. Ломоносова, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

E-mail: runt-msu@yandex.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27),

и на сайте ИАС «ИСТИНА»: <https://istina.msu.ru/dissertations/511334857/>

Автореферат разослан «   » _____ 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук

О.С. Октябрьская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Миф как особый тип мышления противоположен естественнонаучному способу осмысления мира, поскольку реальность отражается в нем средствами не рационального, а мифопоэтического порядка. Как писал об этом В.Н. Топоров: «для мифопоэтической модели мира существует вариант взаимодействия с природой, в котором природа представлена не как результат переработки первичных данных органическими рецепторами (органами чувств), а как результат вторичной перекодировки первичных данных с помощью знаковых систем»¹. Одним из механизмов такого мифологического постижения реальности служило олицетворение². Сутью олицетворения не как частного стилистического приема выразительности³, а именно как способа построения фольклорного образа мира являлось «наивное очеловечивание всей природы, всеобщая персонификация, “метафорическое” сопоставление природных, социальных, культурных объектов. На природные объекты переносились человеческие свойства, им приписывалась одушевлённость, разумность, человеческие чувства, часто и внешняя антропоморфность»⁴.

Персонификация как фундаментальная основа фольклорной образности ярко проявляется в народной демонологии. Благодаря этому универсальному мифопоэтическому механизму во всех фольклорных традициях появились духи-хозяева мест (леса, гор, болот, полей, рек и т.д.). Однако олицетворение природных феноменов не ограничивалось ландшафтом. По наблюдениям Л.Н. Виноградовой, «механизм мифологической персонификации активно действует в текстах народной культуры по отношению не только

---

¹ Топоров В.Н. Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1982. Т. 2. С. 161.

² См. подр. Потебня А.А. О Доле и сродных с нею существах / Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / Сост., подг. текстов, ст. и коммент. А.Л. Топоркова. М.: Лабиринт, 2000. С. 329–356; Кравцов Н. И. Славянский фольклор. М.: Издательство Московского университета, 1976. С. 43–44, 91, 120.

³ Ср. Венгранович М.А. Художественная персонификация как средство образной конкретизации в структуре фольклорного текста // Поволжский вестник науки. 2019. №2 (12). С. 54–56.

⁴ Мелетинский Е.М. Общее понятие мифа и мифологии // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 653.

к природным стихиям (гром, вихрь, огонь, вода, земля, мороз и т. п.), но и к человеческим состояниям (страх, болезнь, смерть), социокультурным понятиям (судьба, доля, счастье, богатство в виде одушевленного клада), а также к пространственно-временным категориям»⁵.

Актуальность работы. В современной фольклористике проблемы изучения мифопоэтических механизмов персонификации продолжают оставаться актуальными: изучается олицетворение как интерактивная форма осмысления носителем традиции феноменов окружающей действительности в ходе фольклорной коммуникации, а также мифологический образ как суммарный итог этого процесса, воплощаемый носителями традиции в конкретных жанровых формах демонологического нарратива, обрядового предписания, запрета, оберега, проклятья и экспрессивного сравнения⁶.

Настоящая работа посвящена изучению механизмов персонификации в народной культуре феномена «ночного кошмара».

Психосоматический аспект данного феномена рассматривается в целом ряде научных исследований⁷, опирающихся на присутствующее в фольклоре разных народов мира сходное описание ощущений человека, которые возникают у него на грани сна и яви: он чувствует внезапную тяжесть на груди, словно его давит какая-то внешняя сила; слышит звуки (скрип двери, шаги, обращение по имени), все осознает, но не может пошевелиться и испытывает сильный страх. При этом во многих фольклорных традициях

---

⁵ *Виноградова Л.Н.* Персонифицированные праздники и дни недели, наказывающие людей за несвоевременную работу: сфера ткачества // *Антропоцентризм в языке и культуре*. М.: Индрик, 2017. С. 56.

⁶ См. *Иванова Л.И.* Святочные персонажи карельской мифологии: к вопросу о персонификации границ // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов*. Гуманитарные исследования. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. С. 159–168; *Народная демонология Полесья*. Публикации текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 3. Мифологизация природных явлений и человеческих состояний / под ред. Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской. М.: Издательский дом ЯСК, 2016. 832 с.

⁷ См. напр. *Cheyne J.A., Rueffer S.D., Newby-Clark I.R.* Hypnagogic and hypnopompic hallucinations during sleep paralysis: neurological and cultural construction of the nightmare // *Consciousness and Cognition*. 1999. Vol. 8. № 3. P. 319–337; *Христофорова О.Б.* Гнетке – сонный паралич? Необычное между фольклористическими и медицинскими классификациями // *Шаги*. 2020. Т. 6. № 4. С. 101–125; *Поветкина П.Б.* Сонный паралич: на пересечении биологии и фольклора // *Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика*. Москва: РУДН, 2022. №27 (3). С. 514–522.

подобный приступ сонного паралича изображается как нападение на человека сверхъестественного существа – «ночного кошмара» (англ. *nighmare*, фр. *cauchemar*, сканд. *mara*, герм. *Nachtmahr*, южнослав. *mora*, западнослав. *zmora*, восточнослав. *домовой* или *ходячий покойник*)⁸.

Действие «давить спящего человека» занимает разное место в ряду функций «ночных кошмаров». Оно может быть доминантой, как у польской *зморы*, или же периферией, как у восточнославянского *ходячего покойника*. Эта функция может быть одной из основных, но не единственной, как, например, у *домового*. Вместе с тем, свойством «душить спящего человека» могут обладать разные типы демонов, например, те, которые высасывают у людей кровь (пол. *upiór/strzygoń*) или вредят матерям и младенцам (пол. *boginka, posnica*)⁹, а также персонажи, сходные с *ведьмой* (луж. *khodota*).

Несмотря на различия в конкретных приемах мифопоэтической персонификации «ночного кошмара» в фольклорных традициях родственных либо живущих рядом народов, представляется возможным объединить всех персонажей с функцией «давить спящего человека» в одну описательную категорию не только в силу сходного набора психосоматических признаков сонного паралича, но, в первую очередь, благодаря корреляции черт облика и обстоятельств появления демона, его функций в системе мифологических персонажей, комплекса отгонных действий и других параметров, характерных для фольклорных текстов именно об этих демонах. Основными жанрами, реализующими механизмы персонификации «ночного кошмара», являются былички, поверья, дидактические высказывания, запреты и их мотивировки, заговоры и экспрессивная фразеология.

Для исследования персонификаций «ночного кошмара» наиболее адекватным является последовательное сопоставительное изучение мифопоэтики демонологических рассказов сперва родственных (например,

---

⁸ *Adler Sh.* Sleep Paralysis. Night-Mares, Nocebos, and the Mind-Body Connection. New Brunswick–New Jersey: London Rutgers University Press, 2011. P. 3.

⁹ Grochowski P. *Zmora // Słownik polskiej bajki ludowej*. Т. 3: p–z. Toruń: WUMK, 2018. S. 415.

славянских), а затем и соседних, контактных (германских, балтийских, скандинавских, других европейских) фольклорных традиций. Однако следует сразу указать на то, что в фольклористических исследованиях разных национальных и академических школ уделялось неравномерное внимание комплексу мифологических верований о «ночных кошмарах» и фольклорным текстам, их воплощающим.

Так, например, богатый и разнообразный круг народных рассказов XIX века о русском *домовом* слабо стратифицирован по региональному признаку¹⁰. В первой половине XX столетия, когда отечественная фольклористика формирует строгий аппарат полевой записи и комментирования аутентичных текстов, фиксация мифологических нарративов редуцируется до минимума в силу идеологических запретов. Новое обращение фольклористов к проблематике народной демонологии в последней трети XX века застаёт традицию в сильно трансформированном (информационными потоками и личной мобильностью носителей) виде¹¹.

В Польше, напротив, преемственность научной традиции изучения народной демонологии не была прервана. Несмотря на то, что места записи полноценных развернутых фольклорных текстов и здесь до настоящего момента неравномерно распределены по регионам, в распоряжении науки имеется собранный со всей территории Польши, пригодный для сравнения и картографирования этнографический и фольклорный материал по народной демонологии, полученный в ходе масштабного проекта по созданию Польского этнографического атласа, который польским ученым удалось осуществить во второй половине XX века. СобираТЕЛЬСкая работа для атласа проводилась с применением стандартизованной анкеты-вопросника и приблизительно в одно время, что обеспечивало единообразие

---

¹⁰ См. напр. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. С. 34–35.

¹¹ Подробнее об истории изучения мифологических персонажей в России см. *Титова О.Ю.* Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – начало XXI века): дисс. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2015. С. 5–13.

полученных данных. При этом фиксировались не только положительные, но и отрицательные ответы¹².

Для настоящего этапа исследования персонификации «ночного кошмара» представляется важным провести работу по систематическому описанию структуры мифологического образа «ночного кошмара» с учетом данных картографирования, чтобы последующее сопоставление образов «ночного кошмара» разных славянских традиций было методологически обоснованным. Современное состояние польской фольклористики дает возможность рассматривать *змору* и сходные с ней мифологические персонажи в системной этногеографической перспективе и во всем разнообразии связанных с ними сюжетов и мотивов, поэтому в первой и второй главе данной работы феномен «ночного кошмара» будет исследоваться на польском материале. Представленные в них карты и проект фольклорного указателя закладывают основу для сравнения польской *зморы* с персонификациями «ночного кошмара» других славянских традиций в главе третьей диссертации, а также для дальнейшего исследования и интерпретации фольклорных образов сложного генезиса и насыщенной образной и мотивной структуры, в частности, восточнославянского *домового*.

Степень изученности темы¹³: Фольклорно-этнографические свидетельства о *зморе* появляются в литературе не позже 1830-х гг. и относятся к разным регионам Польши того времени. Однако развернутых материалов от этого времени осталось немного¹⁴.

---

¹² Подробнее см. *Pieńczak A., Mironova P. (Povetkina P.). Stan badań atlasowych w Polsce i Rosji nad demonologią ludową (przykład zmory i innych istot mitologicznych posiadających cechy z nią wspólne) // Slavia Orientalis. Kraków: Drukarnia Naukowa PAN, 2020. № 19 (3). S. 493–514.*

¹³ При подготовке данного параграфа были использованы материалы статей: *Pieńczak A., Mironova P. (Povetkina P.). Stan badań atlasowych w Polsce i Rosji nad demonologią ludową (przykład zmory i innych istot mitologicznych posiadających cechy z nią wspólne) // Slavia Orientalis. 2020. T. 19. № 3. S. 493–514;* *Pieńczak A., Povetkina P. Mapowanie motywów mitologicznych. Zmora jako istota szkodząca ludziom i zwierzętom gospodarskim // Łódzkie Studia Etnograficzne. Wrocław–Łódź: Polskie Towarzystwo ludoznawcze, 2021. № 60. S. 267–294.*

¹⁴ *Gołębiowski L. Lud polski, jego zwyczaje i zabobony. T 1. Lwów: Adam Kaczurba, 1884 (reprint, pierwodruk: Warszawa, w drukarni A. Gałęzowskiego i Spółki, 1830); Zieleniewski M. O przesądach lekarskich ludu naszego. Kraków: Drukarnia Stanisława Gieszkowskiego, 1845.*

Во второй половине XIX века данные на эту тему также носят фрагментарный характер и находятся преимущественно в журналах „Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej” (1877–1895)¹⁵, „Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny” (1887–1916)¹⁶, „Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne” (1896–1925)¹⁷, „Lud” (1895–1937)¹⁸ и „Zaranie

---

¹⁵ *Gloger Z.* Zabobony i mniemania ludu nadnarwiańskiego, tyżące się ptaków, płazów i owadów // Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej. 1877. T. 1. S. (101)–(107); *Kolberg O.* Rzecz o mowie ludu wielkopolskiego // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1877. T. 1. S. (3)–(36); *Petrow A.* Lud ziemi dobrzyńskiej, jego charakter, mowa, zwyczaje, obrzędy, pieśni, przysłowia, zagadki i t.p. // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1878. T. 2. S. (3)–(183); *Ulanowska S.* Wśród ludu krakowskiego // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1888. T. 1. S. 69–73; *Siarkowski W.* Materiały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. I // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1885. T. 9. S. (3)–(72); *Udziela S.* Materiały etnograficzne zebrane z miasta Ropczyc i okolicy // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1886. T. 10. S. (75)–(156); *Ciszewski S.* Lud rolniczo-górnicy z okolic Sławkowa w powiecie Olkuskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1887. T. 11. S. (1)–(129); *Kopernicki I.* Przyczynek do etnografii ludu ruskiego na Wołyniu z materiałów zebranych przez p. Zofiję Rokossowską we wsi Jurkowszczyźnie w pow. Zwiąhelskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1887. T. 11. S. (130)–(228); *Cisek M.* Materiały etnograficzne z miasteczka Żołyni w powiecie Przemyskim // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1889. T. 13. S. (54)–(83); *Wierzchowski Z.* Materiały etnograficzne z powiatu Tarnobrzieskiego i Niskiego w Galicji // Zbiór Wiadomości do Antropologii Krajowej. 1890. T. 14. S. (145)–(251).

¹⁶ *Ulanowska S.* Wśród ludu krakowskiego // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1888. T. 1. S. 69–73; *Nadmorski Dr.* Urządzenia społeczne, zwyczaje i gwara na Malborskiem // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1889. T. 3. Z. 4. S. 717–754; *Skrzyńska K.* Wieś Krynice w Tomaszowskim // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1890. T. 4. S. 79–111; *Zieliński S. L.* Lud basiwiecki, jego pieśni i wierzenia // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1890. T. 4. S. 768–798; *Toeppen M.* Wierzenia mazurskie // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1892. T. 6. Z. 1. S. 145–184; *Toeppen M.* Wierzenia mazurskie // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1892. T. 6. Z. 4. S. 758–797; *Toeppen M.* Wierzenia mazurskie // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1893. T. 7. Z. 1. S. 1–52; *Wasilewski Z.* Przyczynek do etnografii Krakowiaków // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1892. T. 6. Z. 1. S. 184–204; *Pleszczyński Ks. A.* Wochy i Koziary // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1893. T. 7. Z. 4. S. 719–735; *Hempel L.* Jak sobie lud wyobraża istoty świata nadprzyrodzonego. Przyczynek // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1894. T. 8. S. 366; *Knoop O.* Podania i opowiadania z W. Ks. Poznańskiego // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1895. T. 9. Z. 1. S. 11–39; *Bogdanowiczówna J.* Kilka notatek z medycyny ludowej ze wsi Nadrybie, pow. chełmski // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1896. T. 10. Z. 2. S. 345–348; *Z. A. K.* Gazeta Święteczna. Warszawa, 1895. Nr 731–782 // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1899. T. 13. Z. 1. S. 51–53; *Magiera J.F.* Wierzenia ludowe w okolicy Sułkowic (powiat Mysłenicki) // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1900. T. 14. Z. 1. S. 55–61; *Udziela S.* Świat nadmysłowy ludu krakowskiego, mieszkającego po prawym brzegu Wisły. Cz. II // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1900. T. 14. Z. 4. S. 399–411; *Dąbrowska S.* Jak sobie lud wyobraża istoty świata nadprzyrodzonego. Przyczynek // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1902. T. 16. Z. 3. S. 436–437; *Dąbrowska S.* Wieś Żabno i jej mieszkańcy (powiat Krasnostawski, gub. Lubelska) // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1904. T. 18. Z. 2–3. S. 89–104; *Dzikowski W.* Jak sobie lud wyobraża istoty świata nadprzyrodzonego. Przyczynek // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1902. T. 16. Z. 3. S. 439; *Maciąg M.* Jak sobie lud wyobraża istoty świata nadprzyrodzonego. Przyczynek // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1902. T. 16. Z. 3. S. 437–439; *Rumlówna A.* Z mili kwadratowej obszaru nad rzeczką Kosówką w pow. Białostockim. Garść notat krajoznawczych // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1902. T. 16. Z. 1. S. 56–68; *Jaskłowski W.J.* Wieś Mnichów (w powiecie Jędrzejowskim) // Wisła. Miesięcznik Geograficzno-Etnograficzny. 1904. T. 18. Z. 2–3. S. 73–88.

¹⁷ *Pawłowicz B.* Kilka rysów z życia ludu w Zalasowej // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1896. T. 1. S. 229–266; *Saloni A.* Lud łańcucki. Materiały etnograficzne // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1903. T. 6. S. 187–421; *Saloni A.* Lud rzeszowski. Materiały etnograficzne // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1908. T. 10. S. 50–344; *Kosiński W.* Materiały etnograficzne zebrane w różnych okolicach Galicji zachodniej // Materiały Antropologiczno-Archeologiczne i Etnograficzne. 1904. T. 7. S. 3–86; *Kantor J.* Czarny Dunajec. Monografia etnograficzna //

Śląskie” (1907–1939)¹⁹. Информация о зморе встречается также в ряде монографий О. Кольберга, посвященных Великому княжеству Познанскому²⁰, Краковскому²¹, Люблинскому²², Тарновскому, Жешувскому²³ и Радомскому региону²⁴, Поморью²⁵, прусской Мазурии²⁶, Мазовии²⁷, Калишскому и Серадзкому региону²⁸, Санокскому и Кросненскому региону²⁹, а также Куявии³⁰.

Материалы Антропологично-Артеологичне і Етнографичне. 1907. Т. 9. С. 17–229; *Wawrzyniecki M.* Wieś Mysłaków. Notaty ludoznawcze // *Материалы Антропологично-Артеологичне і Етнографичне.* 1907. Т. 9. С. 230–239; *Gawełek F.* Przesady, zabobony, środki lecznicze i wiara ludu w Radłowie w pow. Brzeskim // *Материалы Антропологично-Артеологичне і Етнографичне.* 1910. Т. 11. С. 48–106; *Z. S.* Dalsze przyczynki do etnografii Wielkopolski // *Материалы Антропологично-Артеологичне і Етнографичне.* 1912. Т. 12. С. 3–168.

¹⁸ *Eljasz-Radzikowski S.* Polscy Górale Tatrzańscy czyli Podhalanie i Tatry na początku wieku XIX // *Lud.* 1897. Т. 3. С. 225–273; *Gustawicz B.* O ludzie Podduklańskim w ogólności, a Iwoniczanach w szczególności. Cz. II // *Lud.* 1901. Т. 7. С. 241–258; *Gustawicz B.* Gniotek // *Lud.* 1909. Т. 15. С. 358–360; *Świętek J.* Z nad Wisłoka, rysy etnograficzne ze wsi Białobrzegi w pow. łancuckim // *Lud.* 1902. Т. 8. С. 354–368; *Taroniowa H.* Opowiadania z pod Krakowa // *Lud.* 1905. Т. 11. С. 312–316; *Rykowski M.* Dyabeł w wierzeniach ludu polskiego (z okolic Biecza) // *Lud.* 1906. Т. 12. С. 214–232; *Sulisz J.* Zapiski etnograficzne z Ropczyc // *Lud.* 1906. Т. 12. С. 57–81; *Koczwara J.* Wierzenia ludowe w Małych Kończycach, koło Zebrzydowic na Śląsku // *Lud.* 1911. Т. 17. С. 60–71; *Udziała S.* Ocieka, pow. Ropczyce // *Lud.* Seria 2. 1924. Т. 3. С. 127–146.

¹⁹ *Morcinek G.* Powiarki Śląskie // *Zaranie Śląskie.* 1929. R. 5. Z. 2. С. 91–94; *Świbówna E.* Materiały ludoznawcze // *Zaranie Śląskie.* 1929. R. 5. Z. 2. С. 98–100; *Niesłanik F.* Materiały ludoznawcze z Lipowca // *Zaranie Śląskie.* 1930. R. 6. Z. 1. С. 41–43; *Zawada P.* Sotony, nocnice, zmory, hele, panny (rusałki) leśne i topielice // *Zaranie Śląskie.* 1932. R. 8. Z. 2. С. 118–121; *Błahut E.* Zarys medycyny ludowej i wierzeń leczniczych Śląska Cieszyńskiego // *Zaranie Śląskie.* 1935. R. 11. Z. 2. С. 98–104; *Ślawiczek J.* Dwa opowiadania z Górek Wielkich // *Zaranie Śląskie.* 1939. R. 15. Z. 1. С. 50–51.

²⁰ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 15. Cz. VII. W. Ks. Poznańskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1982.

²¹ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 7. Cz. III. Krakowskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962; *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 73. Cz. II. Krakowskie. Suplement do t. 5–8. Poznań: Instytut im. Oskara Kolberga: Wydawnictwo Drukarnia "Bonami", 2005.

²² *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 17. Cz. II. Lubelskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962.

²³ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 48. Tarnowskie–Rzeszowskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967.

²⁴ *Kolberg O.* Dzieła Wszystkie. Т. 21. Cz. II. Radomskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1964.

²⁵ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 39. Pomorze. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1965.

²⁶ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 40. Mazury Pruskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1966.

²⁷ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 42. Cz. VII. Mazowsze. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1969.

²⁸ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 46. Kaliskie i Sieradzkie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1967.

²⁹ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 51. Cz. III. Sanockie–Krośnieńskie. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1973.

³⁰ *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 3, Cz. I. Kujawy. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962; *Kolberg O.* Dzieła wszystkie. Т. 4. Cz. II. Kujawy. Wrocław–Poznań: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1962.

В «Атласе народной культуры в Польше»³¹ находится несколько карт, посвященных народной демонологии, однако ни одна из них не касается *зморы* с интересующей нас точки зрения³².

Картографическое исследование по анализируемой проблематике появляется только в книге Анны Дануты Шифер «Обычаи, обряды и верования мазуров и вармяков»³³ в виде двух карт, касающихся используемых на этой территории названий данного мифологического персонажа: *змора* и *мара*³⁴. Карты по этой тематике можно найти также в «Атласе языка и народной культуры Великой Польши»³⁵; другие исследования³⁶ являются уже более поздними³⁷.

В 1980-ые гг. во Вроцлаве в рамках работы над Польским этнографическим атласом под руководством проф. Ю. Гаека появляются первоначальные версии карт, посвященные разным вопросам³⁸, в том числе четыре карты, касающиеся демонов, похищающих и подменяющих детей (эти карты не были опубликованы). Результатом проведенных тогда ареальных исследований стали первые наглядные карты о *зморе*, помещенные в статье Януша Бохдановича «Народная демонология. Реликты верований в *стригоней* и *змор*»³⁹. К сожалению, только на одной из пяти карт

---

³¹ Moszyński K., Klimaszewska J. Atlas kultury ludowej w Polsce. Z. 1. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1934; Moszyński K., Klimaszewska J. Atlas kultury ludowej w Polsce. Z. 3. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1936; Moszyński K., Klimaszewska J., Bytnarówna M. Atlas kultury ludowej w Polsce. Z. 2. Kraków: Polska Akademia Umiejętności, 1935.

³² На карте *Demony poruwające i odmieniające niemowlęta* в категории «другие ответы» появляется диалектное имя демона – *zmora*, *mara*, однако его основной функцией является похищение и подмена детей, что сближает его с *богинкой* или *полудницей* (см. комментарий к карте № 7).

³³ Szyfer A. Zwyczaje, obrzędy i wierzenia Mazurów i Warmiaków. Olsztyn: Wydawnictwo Pojezierze, 1975.

³⁴ Названия карт: *Названия mory* (S. 124), область распространения названия *mara* в северо-восточной Польше (S. 125).

³⁵ Atlas języka i kultury ludowej Wielkopolski / pod red. Z. Sobierajskiego. T. 10 (2). Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM, 2001. S. 176–181.

³⁶ Напр. Budziszewska W. Polskie nazwy zmór i niektóre wierzenia z nimi związane // Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej. 1991. T. 27. S. 17–23.

³⁷ Следует отметить, что имена *зморы* (и других МП) были досконально проанализированы в работе *Dźwigol R. Polskie ludowe słownictwo mitologiczne*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2004. S. 56–63). Однако в ней отсутствуют карты.

³⁸ Список карт см. *Kłodnicki Z. Polski atlas etnograficzny – historia, stan obecny i perspektywy* // Lud. 2001. T. 85. S. 239–275.

³⁹ *Bohdanowicz J. Demonologia ludowa. Relikty wierzeń w strzygonie i zmory* // Literatura ludowa. 1994. № 2. S. 43–62. Названия карт: карта 3: Народные верования, связанные с демоном, чаще всего называемым „*Zmora*” (1), карта 4: Народные верования, связанные с демоном, чаще всего называемым „*Zmora*” (2),

в статье зафиксирована информация о душении лошадей или других животных; отсутствуют карты способов, которыми *змора* мучает людей.

В конце первой декады XXI века демонологической проблематикой занялись в Цешинском центре ареальных исследований⁴⁰ в формате комментариев к «Польскому этнографическому атласу»⁴¹, а именно – их разделом, посвященном демонам, похищающим и подменивающим детей⁴², т.е. выполняющим иные функции, чем *змора*. Параллельно с этим на семинарах создавались иллюстративные карты, посвященные *зморе*⁴³.

Змора является мифологическим персонажем, известным преимущественно в польском фольклоре, но она имеет некоторые функции, общие с другими славянскими мифологическими персонажами. Это делает возможным дальнейшие сравнительные исследования.

В 1995 году Л.Н. Виноградова в статье о региональных особенностях полесского *домового* опубликовала карты, посвященные облику этого мифологического персонажа, негативным последствиям его присутствия

карта 5: Некоторые народные представления о происхождении демона, называемого „*Zmora*”, карта 6: Некоторые способы и действия, которые должны защитить от *зморы* (I), карта 7: Некоторые способы и действия, которые должны защитить от *зморы* (II) (С. 52–59).

⁴⁰ Подробнее *Pieńczak A.* Metoda etnogeograficzna w badaniach atlasowych ośrodka wrocławskiego i cieszyńskiego – kontynuacja i zmiana // *Zeszyty Wiejskie*. 2011. Т. 16. S. 152–167.

⁴¹ *Diakowska E., Kłodnicki Z.* Demony porywające i odmieniające dzieci // *Zwyczaje, obrzędy i wierzenia urodzinowe*, red. Z. Kłodnicki, A. Pieńczak, seria: Komentarze do Polskiego Atlasu Etnograficznego. Т. 9. Cz. 1. *Zwyczaje, obrzędy i wierzenia związane z narodzinami i wychowaniem dziecka*. Wrocław – Cieszyn: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 2010. S. 176–262.

⁴² Карты, касающиеся народной демонологии, доступны также в электронном виде на платформе *Cyfrowe Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego*, см. Электронный ресурс. URL:

http://archiwumpae.us.edu.pl/search?query=demonologia&query_type=exact_match&record_types%5B0%5D=Item&submit_search=Szukaj&page=1 (дата обращения: 24.03.2020). Подробнее см. *Pieńczak A.* The Digital Platform of the Polish Ethnographic Atlas – From Idea to Implementation // *Český lid*. 2018. Т. 105. №. 4. S. 459–473; *Pieńczak A.* Cyfrowe Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego. Możliwości wyszukiwawcze i dalsze perspektywy badawcze // *Lud*. 2019. Т. 103. S. 207–229; *Pieńczak A.* Cyfrowe Archiwum Polskiego Atlasu Etnograficznego w 75-lecie działalności atlasowej // *Dziedzictwo Kulturowe Wsi*. 2020. Т. 4. S. 23–35.

⁴³ *Szwajnoch M.* *Zmora* w wierzeniach ludowych na podstawie badań Polskiego atlasu etnograficznego: praca licencjacka, maszynopis WEiNoE UŚ. Cieszyn, 2010. Названия карт: карта 1: *Змора* принимает облик женщины, карта 2: *Змора* принимает облик мужчины, карта 3: *Змора* как сверхъестественное невидимое существо, карта 4: Названия *зморы* 1, карта 5: Названия *зморы* 2, карта 6: Названия *зморы* 3, карта 7: Названия *зморы* 4, карта 8: Душение *зморой*, карта 9: Способы, которыми *змора* мучает людей, карта 10: Способы, которыми *змора* мучает животных, карта 11: Кто становится *зморой*, I, карта 12: Кто становится *зморой*, II, карта 13: Можно ли поймать *змору*?, карта 14: Каких людей называли прозвищем «*змора*»? (S. 71–118).

в доме, приглашению домового в новый дом и его изгнанию⁴⁴. В 2000 году вышла обширная и опирающаяся на многочисленные источники статья Е.Е. Левкиевской о восточнославянском *домовом*. Она содержала 20 карт, на которых показано распространение на восточнославянской территории различных признаков и функций, связанных с *домовым* в России, Белоруссии и на Украине: время встречи с этим мифологическим персонажем, способы предсказания им будущего, отгонные действия и обереги, место пребывания в доме и т.д.⁴⁵. Карты Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской, посвященные *домовому*⁴⁶ могут быть полезны для того, чтобы показать пространственное разнообразие мифологических мотивов, связанных со *зморой*. На них частично показаны те черты, функции и мотивы, которые характерны для *зморы* (в том числе заплетание грив лошадам и душение людей во сне).

Многое о мотивах, функциях и признаках, общих для *зморы* и других мифологических персонажей, можно узнать также из карт, помещенных в работе А.А. Плотниковой «Этнолингвистическая география Южной Славии», и комментариев к ним, касающихся *вампира*, *ведьмы* и мифологического хозяина места⁴⁷. Из них следует, в частности, что покидание тела душой во время сна и душение людей по ночам роднит *змору* с южнославянской *ведьмой*, а мучение лошадей – с *вампиром*. Информацию о демонологии вообще и южнославянской *море* в частности можно найти также на других картах, опубликованных в этой монографии; например, одна из них касается названий и поверий о новорожденном, рожденном

---

⁴⁴ Виноградова Л.Н. Региональные особенности полесских поверий о домовом // Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья / под ред. Н. И. Толстого. М.: Индрик, 1995. С. 142–152.

⁴⁵ Левкиевская Е.Е. Мифологические персонажи в славянской традиции: 1. Восточнославянский домовый // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология / под ред. С. М. Толстой. М.: Индрик, 2000. С. 96–161.

⁴⁶ Левкиевская Е.Е. Мифологические персонажи в славянской традиции: 1. Восточнославянский домовый. С. 96–161; Виноградова Л.Н. Региональные особенности полесских поверий о домовом. С. 142–152.

⁴⁷ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. С. 634–657; 677–684.

в «рубашке»⁴⁸. Данная карта показывает, на каких южнославянских территориях верили, что такой ребенок становится *морой*.

Ареальному изучению южнорусских мифологических персонажей Центрального Черноземья посвящена кандидатская диссертация О.Ю. Титовой⁴⁹. К ней прилагаются 12 карт, которые касаются географического распределения мифонимов, метаморфоз, функций и цветовой символики *ведьмы, колдуна, черта, огненного змея, лешего, русалки, полевого* и локально специфичных мифологических персонажей. Ареалы южнорусских мифологических представлений сопоставлены в работе с диалектологическими, этнографическими и историческими данными. Дополнением к картам служат три подробные таблицы, отражающие различия в наборе мифологических персонажей южнорусского и севернорусского ареала, а также их цветовой символике и локализации. При этом отмеченный на картах мифоним *кикимора (мара)* обозначает персонажа другого функционального типа или *ведьму*⁵⁰, а функция «душить, давить спящего человека» и связанные с ней обстоятельства, отгонные действия или признаки на картах отсутствуют⁵¹.

Объект исследования – польские фольклорные тексты о *зморе* в их жанрово-функциональных разновидностях.

Предмет исследования – мифологические механизмы персонификации феномена «ночного кошмара», рассмотренные в структурном, ареальном и сопоставительном аспектах на примере польской *зморы*.

Материалами для исследования стали 1) работы О. Кольберга, 2) журнальные публикации по фольклористике и этнографии XIX – начала

---

⁴⁸ Плотникова А.А. «Рубашечка» новорожденного: названия, поверья // Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 542–549.

⁴⁹ Титова О.Ю. Ареальное исследование мифологических представлений русских Центрального Черноземья (конец XIX – начало XXI века): дисс. ... канд. ист. наук. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 2015. 230 с.

⁵⁰ Там же. С. 98, 124–125, 209, 218.

⁵¹ Там же. С. 207–230.

XX в., 3) неопубликованные материалы Польского этнографического атласа (ПЭА) по демонологии, которые охватывают всю территорию Польши. Основу материалов ПЭА составляет информация из 227 выбранных населенных пунктов из сети ПЭА, собранная в 1980–1990-х годах (дополнительные экспедиции 2000–2002 гг.). Был использован вопросник ПЭА номер X под названием «Демоны, полудемоны и сверхъестественные существа в народных рассказах и верованиях».

Научная новизна данного исследования состоит в том, что:

1. Ареальное исследование мифологических представлений о *зморе* впервые произведено на большом корпусе вновь собранных и систематизированных источников, что позволило адекватно проанализировать их структуру в широком этногеографическом контексте.
2. Проведенное исследование восполняет новыми и более совершенными в методологическом отношении картами существующие пробелы в этнокартографии славянской демонологии.
3. Разработанная в диссертации система дифференциальных признаков и функций *зморы* и сходных с ней мифологических персонажей закладывает основы систематического указателя сюжетов и мотивов, связанных с темой «ночных кошмаров».

Достоверность положений и выводов диссертации обеспечивается большим объемом исследуемого материала, использованием архивных источников, обширной теоретической базой, последовательной аргументацией и совокупностью различных методов изучения мифологической персонификации «ночного кошмара» в польской народной традиции.

Методы исследования. Одним из основных методов исследования этнокультурных ареалов и областей распространения того или иного мотива

или функции является **картографирование**, с помощью которого становится возможным реконструирование ранних этапов эволюции славянской культуры, выявление типологически сходных феноменов, а также фактов взаимовлияния фольклорных традиций.

Поскольку в ПЭА практически синхронно собраны данные со всей территории Польши, это делает возможным более объективное и равномерное представление на картах области распространения того или иного мотива, сюжета, функции или дифференциального признака. **Сопоставление** данных ПЭА с более ранними данными XIX и XX века помогает сделать выводы об изменениях в польской фольклорной традиции с течением времени.

Значимой методикой исследования мифологических представлений о *зморах* является **составление фольклорных указателей**. Насколько нам известно, в Польше до сих пор отсутствует указатель, в котором содержались бы сюжеты, мотивы и дифференциальные признаки, связанные со *зморой*. В каталоге Юлиана Кшижановского выделены два сюжета, связанные со *зморой* (Т 364 „Zmora żona” и Т 364* „Zmory podsłuchane”)⁵², однако они не охватывают всего материала и не позволяют получить исчерпывающее представление о специфике такого МП, как *змора*. Чтобы восполнить этот пробел, необходимо составить указатель сюжетов, мотивов, дифференциальных признаков и функций, связанных со *зморой*. В первой главе настоящей работы содержатся две пробные статьи указателя, по образцу которых впоследствии может быть составлен данный каталог.

Для создания подобного указателя и последующего картографирования отдельных признаков, мотивов, сюжетов и функций, применяется методика **мотивного анализа** мифологического текста о *зморах*. **Сравнительный метод** используется в работе при изучении конкретных реализаций базового паттерна «ночного кошмара» в польской народной традиции.

---

⁵² Krzyżanowski J. Polska bajka ludowa w układzie systematycznym. 2. Baśń magiczna: (Т. 300–748). S. 53–55.

Цель диссертации: на материале избранной фольклорной традиции описать типичные способы изображения исследуемого мифологического персонажа и ситуаций контакта человека с ним, выявить базовые механизмы персонификации и охарактеризовать конкретные мифопоэтические приемы олицетворения «ночного кошмара» применительно к локальным версиям польской фольклорной традиции и широким славянским ареалам.

Для достижения поставленных целей в диссертации решаются **задачи:**

- выделить в аутентичных фольклорных текстах и релевантных фольклорно-этнографических источниках основные сюжеты, мотивы, признаки и функциональные характеристики образа *зморы*;
- нанести выделенные мотивы, дифференциальные признаки и функции на карты, интерпретировать области их распространения;
- сравнить образ польской *зморы* с мифологическими персонажами, которые душат людей во сне, иных славянских фольклорных традиций.

Теоретическая значимость работы заключается в решении ряда проблем описания, идентификации и сравнения мифологических персонажей польского фольклора, картографирования феноменов славянской мифологии, а также выявления специфики культурных кодов изучаемых этнокультурных традиций.

Практическая ценность работы состоит в разработке подготовительных материалов для указателя мифологических мотивов и функций, в создании и публикации карт, демонстрирующих области распространения анализируемых функций и мотивов; выделенные в ходе анализа корпуса польских материалов дифференциальные признаки стали основой сопоставительного изучения мифологических представлений о «ночном кошмаре» в других славянских и европейских фольклорных традициях. Материалы и результаты исследования могут быть использованы в лекционных и специальных курсах по фольклору, мифологии и сравнительному изучению культур.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Конкретные мифопоэтические образы «ночного кошмара», фиксируемые в разных этнокультурных традициях, объединяет в одну мифологическую группу, во-первых, общий набор психосоматических признаков сонного паралича, интерпретируемых носителями традиции как «душение спящего человека демоном»; во-вторых, набор признаков и функций, присущих данному демону в ряду других мифологических персонажей традиции; в-третьих, комплекс мотивов, объясняющих обстоятельства появления и способы устранения демона, характерных для нарративов именно об этих мифологических персонажах.
2. Мифологический текст о «ночных кошмарах» является сложной многоуровневой структурой, в которой образный, сюжетно-мотивный и формульно-стилевой регистры тесно взаимосвязаны и активно влияют друг на друга.
3. Ареальное исследование польских мифологических текстов демонстрирует, что *змора* является доминантной персонификацией «ночного кошмара». Другие мифологические персонажи с функцией «душить, давить спящего человека» реализуют сходный набор мотивов, образных характеристик и функций, варьируя их иерархию в зависимости от локальной традиции.
4. Картографирование фольклорного мотива «Заплетание грив лошадам *зморой* и сходными с ней мифологическими персонажами» позволяет локализовать данный мотив преимущественно на востоке Польши.
5. Анализ мифологических рассказов о выходе души из спящего тела ставит под сомнение распространенное понимание данного мотива как проявление двоедушия мифологического персонажа. В польском фольклоре двоедушие чаще встречается у персонажей типа *strzygoń / upiór / wieszszy*, чем у *зморы*.

б. Западнославянская *мура* и южнославянская *мора* достаточно близки к польской *зморе* с точки зрения структуры образа и сюжетно-мотивного фонда, и по этому признаку западные и южные славяне составляют один этнокультурный ареал, тогда как у восточных славян соответствующего персонажа нет практически на всей занимаемой ими территории, и связанные с ним у западных и южных славян мотивы и функции отсутствуют в восточнославянском ареале либо переходят к другим персонажам.

Теоретико-методологической базой исследования стали работы представителей московской этнолингвистической школы Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Л.Н. Виноградовой, Е.Е. Левкиевской, А.А. Плотниковой, А.В. Гуры, М.М. Валенцовой, О.В. Беловой, Т.А. Агапкиной; зарубежных ученых Ш. Адлер, Д. Хаффорда, Дж.А. Чейна, Л. Милн, изучавших сонный паралич с точки зрения биологии, психологии и культуры; а также польских этнолингвистов и исследователей этнокартографии Е. Бартминьского, Ф. Чижевского, К. Мошинского, Ю. Гаека, А. Пенчак, З. Клодницкого.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены на следующих научных конференциях: «Славянский мир: общность и многообразие» (Москва, Россия, ИСлав РАН, 13–14 октября 2020 г.), Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов 2021» (Москва, Россия, МГУ им. М.В. Ломоносова, 12–23 апреля 2021 г.), «Богатыревские чтения 2021: Мастер и традиция» (Москва, Россия, ГИИ, Москва, 21–22 октября 2021 г.). Работа прошла апробацию на кафедре русского устного народного творчества филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова при защите НКР.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы на русском и иностранных языках

(468 пунктов) и восьми приложений: трех таблиц и пяти карт, относящихся к разделам первой и второй главы диссертации⁵³.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** формулируется проблематика, определяются цели и задачи диссертационного исследования, характеризуется его источниковая и методологическая база, обосновывается актуальность и новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, даются сведения об апробации результатов и структуре работы.

Первая глава диссертационного исследования, **«Народные представления о зморе и сходных с ней мифологических персонажах: структурный анализ»**, содержит четыре раздела. В ней рассматриваются механизмы персонификации «ночного кошмара» в польском фольклоре, с помощью которых мифологический образ *зморы* конструируется носителями традиции, и особенности этого процесса в разных польских локальных традициях. Предлагаемая в главе классификация признаков, функций, мотивов, сюжетов, запретов и их мотивировок, связанных со *зморой* и подобными ей персонажами, адаптирует схему описания МП, составленную сотрудниками Института славяноведения РАН⁵⁴, а также кросс-культурный паттерн «ночного кошмара» по Шелли Адлер⁵⁵.

Первый раздел состоит из **семнадцати подразделов**. В нем рассматривается структура образа польской *зморы* и близких к ней

---

⁵³ Работа над картами и таблицами проходила в сотрудничестве с профессором Силезского университета Агнешкой Пенчак.

⁵⁴ *Виноградова Л.Н., Толстая С.М., Гура А.В., Кабакова Г.И., Терновская О.А.* Схема описания мифологических персонажей // Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран юго-восточной Европы. София, 30.VIII.89 – 6.IX.89. Проблемы культуры / под ред. Л.Н. Виноградовой, Н.В. Злыдневой, С.М. Толстой. М.: Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1989. С. 78–85.

⁵⁵ *Adler Sh.* Sleep Paralysis. Night-Mares, Nocebos, and the Mind-Body Connection. New Brunswick–New Jersey: London Rutgers University Press, 2011. P. 9–13.

мифологических персонажей – дифференциальные признаки и функции, которые отличают их от демонов других функциональных типов и групп.

В подразделе «Имя МП» приводится перечень имен схожих со *зморой* МП в польской народной культуре, включающий самые распространенные названия и их варианты. Отмечается, что близкие к *зморе* МП также могут носить имена польских демонов с другими основными функциями или обозначаться родовым наименованием нечистой силы. Их имена могут мотивироваться польскими глаголами со значением «душить, давить», «сидеть», «знать» и временем нападения, быть заимствованными из другого языка или не иметь прозрачной мотивировки. В подразделе «Пол МП» показано, что польский «ночной кошмар» может быть женского или мужского пола, либо бесполом сверхъестественным существом. В параграфе «Число МП» демонстрируется, что подобных МП в быличках и поверьях обычно бывает нечетное количество (один, три, пять, семь) или неопределенное множество.

Следующий подраздел посвящен родственным отношениям *зморы* и близких к ней МП, в которых они могут выступать в роли дочери, сестры, матери, отца, сына и крестной матери. В рубрике «Внешний облик» рассматривается антропоморфный, животный (зооморфный, орнитоморфный, ихтиоморфный), фантастический, смешанный облик и облик предмета, который данные МП могут иметь постоянно или принимать на время. В следующих двух подразделах приведены особенности тактильного и аудиального восприятия схожих со *зморой* МП. В параграфе «Происхождение МП» перечислены варианты их генезиса, в соответствии с которыми сверхъестественные способности польских давящих духов детерминируются очередностью рождения, ошибками при крещении, неправильным образом жизни, обстоятельствами смерти и другими условиями.

Обширный подраздел «Вредоносные действия МП» включает способы, которыми сходные со *зморой* МП могут вредить людям, домашним животным, растениям, предметам и стихиям. В параграфе «Способы освобождения МП от обязанностей вредить» показано, каким образом можно было превратить подобного МП обратно в человека или обезвредить его. Смежный раздел содержит перечень отгонных действий, оберегов и стратегий, используемых для защиты людей и животных от польских «ночных кошмаров» – изготовить куколок из лоскутков, применить острые металлические предметы или христианские символы, принять правильное положение во сне, вызвать у МП отвращение к жертве и т.д. Еще один раздел посвящен способам распознавания таких МП с помощью подглядывания, подслушивания, обещания угощения или приглашения на завтрак, фиксации, клеймения, нанесения увечья и др. В параграфе «Объекты воздействия» перечислены категории людей, животных, растений, предметов и стихий, которым вредят сходные со *зморой* МП. Далее рассматривается хронотоп польского мифологического текста о «ночных кошмарах» и способы передвижения подобных МП.

Второй раздел делится на **пятнадцать подразделов**. Он посвящен мотивам и сюжетам польской народной демонологии, связанным с персонажами, реализующими функцию давить / душить человека. В нем были выделены следующие сюжеты, в которых фигурирует *змора* или подобные ей МП: «Выход души из спящего тела», «Месть МП», «Жена-МП», «Похищение вещи МП», «Хозяйка кормит работника высосанной кровью», «Одураченный МП», «МП в костеле», группа сюжетов «МП отнимает молоко у коров», «Защита коров от отнимания молока», «МП ходит по деревне», «Здесь зад, и здесь зад», «Если панна, будь Анна, если пан, то будь Ян», «Поиск исчезнувшего супруга», «Подслушанные МП» и «МП-кобыла». Последние два сюжета представлены в виде пробных статей для «Указателя дифференциальных признаков, функций, мотивов

и сюжетов», связанных со *зморой* и сходными с ней МП, подготовительные материалы к которому опубликованы в диссертационном исследовании.

В **третьем разделе** рассматриваются упоминания *зморы* и подобных ей МП в сравнениях и словесных формулах, ругательствах, проклятиях, запретах и их мотивировках. В нем проанализировано, какие категории людей в разных частях Польши называют «зморой» – женщину с определенными свойствами, ребенка, который не хочет есть, седьмую дочь, обманщика, вора, алкоголика и т.д. В разделе описано, какие качества польских «ночных кошмаров», в частности, женский облик, пол, функции и обстоятельства нападения, актуализированы в малых речевых и фольклорных жанрах. Практически во всех этих номинациях, которые уже не относятся к МП, прослеживается связь с польскими «ночными кошмарами» и связанными с ними народными представлениями, а также мотивами и сюжетами мифологического текста.

Помимо этого, в разделе затронуто то, как польские информанты оценивают степень достоверности мифологических рассказов о *зморах* и стараются рационально интерпретировать состояние сонного паралича.

В **четвертом разделе** была показана взаимосвязь признаковой, мотивно-сюжетной парадигмы и парадигмы малых жанров в структуре мифологического текста на примере предметной реалии соломы. В нем были выделены типы контекстов, в которых в мифологическом тексте о *зморах* появляется предметная реалья «солома» и проанализированы варианты ее словесных реализаций в тексте. В разделе рассматриваются дифференциальные признаки, способы защиты, мотивы и сюжеты, в которых упоминается предметная реалья «солома», их место в структуре мифологического текста о *зморах*, ареалы распространения и параллели к ним у других западных славян.

Наиболее часто солома служит ипостасью *зморы*. Превращение *зморы* в соломинку периодически сочетается в тексте с проникновением в комнату

сквозь щель или замочную скважину. *Змора* принимает облик соломинки также в группе сюжетов о ее распознавании. В подобных случаях распознавание *зморы* может происходить с помощью обещания угощения или приглашения на завтрак; перерезания или ломания соломинки; фиксации ее на одном месте до утра тем или иным способом или битья до тех пор, пока она не примет облик человека. Что касается способов защиты от *зморы*, в них солома встречается, прежде всего, в сюжете «Мечь МП», в чем проявляется ее апотропеическая функция.

Проанализированная в разделе на примере соломы роль предметных реалий в структуре мифологического текста о *зморе* проливает свет на то, каковы функции элементов материальной культуры в мифологических текстах о «ночных кошмарах». Также в нем затрагивается вопрос, как народные представления о связи польских «ночных кошмаров» с соломой отражаются в малых фольклорных жанрах – приметах и толкованиях снов. К данному разделу относится карта 5 «Солома в мифологическом тексте о *зморах*».

Во второй главе диссертационного исследования, «***Змора как вредоносный мифологический персонаж: картографический анализ***», польская персонификация «ночного кошмара» рассматривается в этнокартографической перспективе. Глава включает в себя три раздела.

Первый раздел посвящен актуальным проблемам классификации и картографирования мифологических представлений.

Основная проблема с классификацией способов, которыми *змора* и близкие к ней МП вредят людям и домашним животным, обнаруживается при анализе большого корпуса текстов и заключается в том, что эти способы значительно отличаются друг от друга. Кроме того, в некоторых случаях бывает трудно отделить одну функцию МП от другой из-за того, что их особенности выражения сильно варьируются. Симптомы сонного паралича сходны у многих людей, поэтому разные глаголы, которыми выражаются

вредоносные действия в мифологическом тексте о *зморах*, могут быть очень близкими по своей семантике. По той же причине некоторые глаголы используются информантами в переносном смысле. Помимо этого, типы описываемых способов вредить часто пересекаются друг с другом.

Несмотря на вышеперечисленные сложности, в разделе предпринимается попытка систематизации действий, которыми сходные со *зморой* МП мучают людей и/или домашних животных. Предлагаемая классификация основана на глаголах, присутствующих в фольклористических и этнографических источниках середины XIX века – начала XX века и разделенных на группы в соответствии с их частотностью, семантикой и спецификой функционирования в мифологическом тексте о *зморах*. Изначально она базировалась на типах вредоносных функций *зморы*, представленных в вопроснике «Польского этнографического атласа», но впоследствии была дополнена и уточнена. Классификация кратко описана в тексте раздела и подробно представлена в двух таблицах: «Категоризация вредоносных действий *зморы* по отношению к людям. Состояние в этнографической и фольклористической литературе (1830-ые – 1940-ые гг.)» и «Категоризация вредоносных действий *зморы* по отношению к животным в фольклористической и этнографической литературе (втор. пол. XIX в. – нач. XX в.)».

В таблицах содержится пятьдесят способов, которыми *змора* и подобные ей МП мучают людей, и четырнадцать способов, которыми они мучают домашних животных. Среди данных вредоносных функций были выделены основные и более периферийные для польских «ночных кошмаров», а также те, которые, по всей видимости, перешли к ним от других МП.

Предлагаемая классификация была сделана в формате таблиц, а не карт из-за трудностей, которые возникают при картографировании данных

из этнографических источников XIX в. – начала XX в.: проблем с точной локализацией многих вариантов, отсутствия единой методики работы и т.д.

Второй раздел посвящен картографированию мифологических представлений о *зморе* как вредоносном персонаже и интерпретации полученных карт. В целях этногеографического представления способов, которыми *змора* мучает людей и домашних животных, на трех картах была представлена информация из 227 населенных пунктов, полученная в результате исследовательской работы для Польского этнографического атласа (1980–1990 гг. и 2000–2002 гг.). На них были обозначены также некоторые более ранние данные на эту тему, взятые из работ по этнографии и фольклору середины XIX и первых трех декад XX века, которые удалось точно локализовать. Таблица с населенными пунктами, откуда были взяты эти данные, представлена в приложении. К данному разделу прилагаются следующие карты: «Карта 1. Полудемон, называемый *змора*, мучает людей», «Карта 2. Полудемон, называемый *змора*, мучает животных» и «Карта 3. Полудемон, называемый *змора*, душит людей, сидя у них на груди, и/или заплетает гривы или хвост лошадям».

На первой карте показано бытование в Польше функций «ночных кошмаров», которые чаще всего упоминаются в сообщениях информантов и касаются мучения в широком смысле: по народным представлениям, данное существо душило и давило спящих людей, сидя у них на груди (реже клало им язык в рот и сосало соски). Конфигурация знаков, присутствующая на карте в виде плотного скопления, свидетельствует о том, что данные представления были очень распространены в Польше во время проведения собирательской работы, что может говорить о их архаичности и укорененности в деревенской культуре как минимум с середины XIX века (можно предположить, что они были известны значительно раньше).

На второй карте представлен ареал распространения в Польше мифологического представления о том, что *змора* мучает домашних

животных (в основном, лошадей, которых она заезживала или заплетала им косички на гриве). Проведенные в 1980-х годах и с 2000 по 2002 год исследования показывают, что данное народное представление было менее распространенным, чем предыдущее. Оно ограничивается преимущественно восточной и центральной частью страны и спорадически встречается в Великой Польше.

На третьей карте были объединены две разных функции, связанные с анализируемым мифологическим персонажем, – душить людей, сидя у них на груди, и заплетать гриву или хвост лошадям. Карта показывает, что в восьмидесятых годах XX века и периоде с 2000 по 2002 год первая из этих функций была достаточно распространенной в Польше и фиксировалась в 78,4% исследованных населенных пунктов. Повсеместность данной функции подтверждают также многочисленные данные из более ранней фольклористической и этнографической литературы, наиболее часто фиксирующиеся в окрестностях Познани, Кракова, Жешува и Люблина. Распространенность данного представления в анализируемый период свидетельствует о том, что функция душить людей, сидя у них на груди, была для *зморы* доминирующей. Вторая функция – заплетание грив и хвостов лошадям – является более редкой, и область ее распространения значительно более ограничена. Она зафиксирована только в 21,58% исследованных населенных пунктов. Кроме того, в сообщениях информантов появились разные варианты ответа, касающиеся типа действия, выполняемого *зморой*, и места его совершения на теле лошади (грива, хвост, иногда отсутствие такой информации). Чаще всего упоминалось заплетание этим персонажем конской гривы (68% случаев), остальные ответы встречались спорадически.

Глава завершается **разделом** о проблеме определения категории «двоедушие», рассмотренной на примере польских мифологических персонажей, преимущественно *зморы* и *стригоня*. В нем анализируется

современное смысловое наполнение термина *двоедушник*, обсуждаются связанные с ним противоречия и кратко прослеживается история его формирования. В разделе делается предположение, что в зависимости от ареала и разработанности в нем представлений о двоедушии к данной категории мифологических персонажей могут относиться разные образы, которые приносят в сферу двоедушия или исключают из нее связанные с ними сюжеты и мотивы. Границы термина *двоедушник* сужаются или расширяются в зависимости от локальной традиции, поэтому не представляется возможным выделить какой-то один универсальный мотив или признак (помимо обладания двумя душами), который объединял бы всех *двоедушников*, как это попытались сделать Е.Е. Левкиевская и А.А. Плотникова в этнолингвистическом словаре «Славянские древности»⁵⁶. Помимо этого, в разделе обосновывается разграничение двоедушия и выхода души из тела во время сна, которые рассматриваются в некоторых научных работах в качестве синонимов. Также в нем изучаются фиксации дифференциального признака «двоедушие» у *зморы* и *стригоня* в польском фольклоре, их география, а также признаки и мотивы, которые в этих случаях связаны с обладанием двумя душами. Этому соответствует «Карта 4. Мифологические персонажи *zmora* и *strzygoń* обладают двумя душами».

Третья глава диссертации называется **«Польская *змора* на общеславянском фоне: сравнительный анализ»** и состоит из одного раздела. В этой главе диссертационного исследования с польской *зморой* были сопоставлены другие западнославянские, южнославянские и восточнославянские мифологические персонификации «ночного кошмара», а также рассмотрены ареалы их бытования. При сравнении этих МП были учтены следующие параметры: способы вредить людям и домашним животным, внешний облик МП и его особенности, происхождение, обереги

---

⁵⁶ Левкиевская Е.Е., Плотникова А.А. Двоедушники. С. 29–30.

и способы защиты, объекты воздействия, способы передвижения и освобождения МП от обязанностей вредить, статус МП. Было установлено, что в южнославянской и западнославянской фольклорной традиции действуют сходные механизмы персонификации «ночного кошмара». В этих традициях присутствует вредоносный мифологический персонаж преимущественно женского пола, чьей основной функцией является душение во сне, который обычно приходит ночью, проникает внутрь помещения сквозь замочную скважину и мучает людей (в основном, мужчин), растения и домашних животных. Его зачастую можно распознать различными способами и отогнать с помощью острых предметов, христианских символов или вызывания у него отвращения. Западнославянская *мура* и южнославянская *мора* достаточно близки к польской *зморе* с точки зрения образа, функций и сюжетно-мотивного фонда и по этому признаку западные и южные славяне составляют один этнокультурный ареал.

В свою очередь, у восточных славян соответствующий персонаж отсутствует практически повсеместно, и связанные с ним у западных и южных славян признаки, функции, мотивы и сюжеты в восточнославянском ареале либо не имеются, либо переходят к другим персонажам – *домовому*, *домовику*, *ходячему покойнику*, *черту*, *ведьме* или *колдуну*, которые обладают некоторыми схожими со *зморой* чертами, но представляют собой самостоятельные персонажные типы.

В заключении подводятся итоги диссертационного исследования и формулируются выводы.

Последовательное решение в трех главах диссертации задач по структурному, ареальному и сопоставительному исследованию польского мифологического текста о *зморах* позволило успешно достичь поставленной цели изучить механизмы персонификации «ночного кошмара» носителями польской культуры и рассмотреть особенности этого процесса в польских локальных традициях и смежных славянских ареалах. В диссертации была

описана структура народных представлений о *зморах*, выявлено их принципиальное сходство и различия с поверьями о «ночных кошмарах» других славянских традиций, а также определены ареалы распространения в польской традиции ряда ключевых функций и признаков («*Змора* душил людей по ночам», «*Змора* заплетает гривы лошадям», «*Змора* обладает двумя душами», «*Змора* превращается в соломинку» и др.).

В первой главе работы было показано, какие признаки и обстоятельства нападения МП используют носители традиции для идентификации и определения места персонификаций «ночного кошмара» в парадигме польских МП; с помощью каких мотивов и сюжетов они описывают и осмысливают состояние «ночного кошмара»; в каких запретах и их мотивировках вербализуются имеющиеся в польском фольклоре интерпретации «ночного кошмара» применительно к ситуативно-бытовому контексту. Выделенные в первой главе диссертации мифологические мотивы, функции, сюжеты и дифференциальные признаки, характерные для *зморы*, стали критериями для сравнения ее с другими славянскими персонажами этого типа, а также основой для локализации структурных компонентов мифологического текста, зафиксированных в фольклорно-этнографических источниках разного типа и времени.

В свою очередь, анализ функционирования имен мифологических персонажей, репрезентирующих «ночные кошмары» в речевых формулах и малых фольклорных жанрах, позволил четче выстроить типологию данных мифологических персонажей и послужил основой для рубрикации указателя дифференциальных признаков, функций, мотивов и сюжетов, связанных со *зморой* и сходными с ней МП.

Детальное изучение во второй главе ареального аспекта польского мифологического текста о *зморах* продемонстрировало, что нанесение на карту фактов ранних фольклорно-этнографических записей вместе с более поздними данными Польского этнографического атласа позволяет не только

обозначить область распространения в Польше представлений о том, что *змора* чаще мучает людей, чем домашних животных, но также показать изменение границ этих представлений в пространстве и времени. Хотя в отношении материалов второй половины XIX – первых декад XX века следует говорить скорее о приблизительных границах распространения исследуемых верований, возможно обозначить их более точно, если проанализировать остальные данные, которых нет на картах (см. приложения 2–3). Помещенные в приложениях 2 и 3 локализации пятидесяти способов, которыми *змора* мучает людей, и четырнадцати способов, которыми *змора* мучает домашних животных, полученные из фольклорно-этнографических источников, в будущем могут быть полезными при составлении новых карт, касающихся распространения сходных мифологических функций и мотивов и динамики изменений области их бытования.

Помимо этого, во второй главе было конкретизировано применительно к польской народной традиции смысловое наполнение термина *двоедушник* на основании данных о фиксации в польском фольклоре дифференциального признака «двоедушие» у *зморы* и *стригоня*.

В результате сравнительного анализа славянских мифологических персонажей с функцией «душить, давить человека», проведенного в третьей главе, было установлено, что способы персонификации «ночного кошмара» у западных и южных славян достаточно схожи. Ближе всего к польской *зморе* находятся чешская, словацкая и лужицкая *мура* или *ходота*, но у нее также имеется много пересечений с южнославянской *морой*. Однако практически на всей территории восточнославянского ареала *змора* не имеет прямых аналогов, несмотря на то, что функция душить людей во сне в этом ареале, как правило, связана с *домовым*, и в этом аспекте оба персонажа выступают мифологическими персонификациями «ночного кошмара».

Решение поставленных в диссертации задач открывает возможности для дальнейшего углубленного изучения и проработки следующих аспектов темы:

- представления структуры польского мифологического текста о «ночных кошмарах» в виде указателя признаков, функций, сюжетов и мотивов;
- сопоставления польской *зморы* со сходными с ней славянскими МП по всем параметрам «Схемы описания МП» с целью выявления и последующего картографирования релевантных мифологических мотивов, сюжетов, функций и дифференциальных признаков;
- описания и интерпретации развернутых мифологических нарративов и функционально-прагматических контекстов их бытования.

Систематическое исследование проблем структурного, ареального и сопоставительного изучения славянских мифологических представлений о «ночных кошмарах» в свою очередь обеспечивает грамотную постановку и успешное решение вопросов о составе общеевропейского мифологического фонда и факторах межэтнической коммуникации на разных стадияльных этапах развития традиционной культуры.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

- 1) *Поветкина П.Б.* Роль предметных реалий в структуре мифологического текста (солома в польских быличках и поверьях о *зморах*) // Славянский альманах. Москва: Институт славяноведения РАН, 2021. № 3–4. С. 209–228. ИФ РИНЦ: 0,209. Импакт-фактор журнала: 0,209.

- 2) *Поветкина П.Б.* Сонный паралич: на пересечении биологии и фольклора // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. Москва: РУДН, 2022. №27 (3). С. 514–522. Импакт-фактор журнала: 0,305.

Публикации, входящие в базу Scopus:

- 3) *Pieńczak A., Mironova P. (Povetkina P.).* Stan badań atlasowych w Polsce i Rosji nad demonologią ludową (przykład zmory i innych istot mitologicznych posiadających cechy z nią wspólne) // *Slavia Orientalis*. Kraków: Drukarnia Naukowa PAN, 2020. № 19 (3). S. 493–514.
- 4) *Pieńczak A., Povetkina P.* Mapowanie motywów mitologicznych. Zmora jako istota szkodząca ludziom i zwierzętom gospodarskim // *Łódzkie Studia Etnograficzne*. Wrocław–Łódź: Polskie Towarzystwo ludoznawcze, 2021. № 60. S. 267–294.

Публикации в других научных изданиях:

- 5) *Миронова П.Б. (Поветкина П.Б.)* Змора и проблема определения категории «двоедушник» // *Славянский мир: общность и многообразие*. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 13–14 октября 2020 г. М.: Институт славяноведения РАН. 2020. С. 197–202.